

Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи

Махнач А.В.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Сараева Н.М.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»)**, г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Дагбаева С.Б.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»)**, г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Лактионова А.И.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Постылякова Ю.В.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru

Суханов А.А.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»)**, г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Цель. Выявление возможных обусловленных этнокультуральными особенностями образа жизни отличий в показателях жизнеспособности, в связях и значимости ее компонентов и факторов у представителей русской и бурятской молодежи (от 15 до 24 лет).

Контекст и актуальность. Рост социально-экономической напряженности и вызовы современной общественной жизни обуславливают повышенные требования к жизнеспособности человека. Психологическая наука осознает запрос на анализ феноменологии и сущности жизнеспособности в разных ее аспектах. Один из таких аспектов — этнокультуральные отличия в жизнеспособности людей разной национальности, в частности, русских и бурят. Важно установить общие и национально специфичные компоненты жизнеспособности, факторы ее поддержки и рисков.

Дизайн исследования. Изучены показатели жизнеспособности в выборках русских и бурятских респондентов, с помощью кластерного анализа определена структура переменных, проведено их сопоставление. Выявлены корреляционные связи между переменными внутри каждого кластера, дана сравнительная оценка этих связей и значимости компонентов жизнеспособности, факторов поддержки и риска в каждой выборке.

Участники. 109 русских студентов вузов и 98 бурятских студентов вузов и колледжа. Всего 207 человек.

Методы (инструменты). Диагностика осуществлялась по программе «Resilient Youth in stressed environments» — «Жизнеспособная молодежь в стрессовых условиях», RYSE (Лактионова, Махнач, 2008; Унгар, Хэдфилд (Ungar, Hadfield), 2019), включающей 9 тестов, названных в статье, и социально-демографическую анкету.

Результаты. Результаты исследования свидетельствуют о сходстве уровня (он высокий у большей части респондентов обеих выборок), базовых характеристик жизнеспособности, ее факторов (собственных сил, поддержки семьи и социума). В то же время выявлены отличия по всем переменным, входящим в факторы защиты. У бурятских студентов показатели выше, чем у русских. Особенно отчетливо отличия проявляются в показателях жизнеспособности контекстуальной, прежде всего, в оценках значимости религиозной веры, отношения к культуре и традициям своего народа. Выявились отличия во взаимосвязях переменных: показатель виктимизации у респондентов-бурят положительно связан только с показателем шкалы «Травматические симптомы», а в русской выборке — с показателями депрессии и позитивными детскими переживаниями. Отрицательные связи этой переменной в русской выборке отмечаются с показателями всех компонентов жизнеспособности и с показателем восприятия соседства. В бурятской выборке значимые отрицательные корреляционные связи по этой шкале отсутствуют.

Основные выводы. Жизнеспособность имеет общие для людей разной национальности базовые основы, структуру и факторы. Не обнаружены какие-то отдельные уникальные национальные особенности в жизнеспособности представителей русской и бурятской молодежи. Вместе с тем этнокультуральные особенности образа жизни определяют некоторые отличия в оценке респондентами разной национальности значимости компонентов жизнеспособности, ее факторов, в связях показателей и характеристик.

Ключевые слова: жизнеспособность; молодежь; русские и буряты; культура; традиции; социальная экология мест проживания; факторы риска и защиты.

Для цитаты: Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи // Социальная психология и общество. 2023. Том. № 14. № 2. С. 66—84. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140205>

Comparative Empirical Analysis of the Russian and Buryat Youth Resilience

Alexander V. Makhnach

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Sarayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraieva@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Yuliya V. Postylyakova

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru

Aleksey A. Sukhanov

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanov-71@mail.ru

Objective. *Identification of the possible, conditioned by the ethnocultural peculiarities of the way of living differences in the indicators of resilience, in the connections, in the significance of its components and the factors in the representatives of Russian and Buryat youth (from 15 to 24 years).*

Background. *The increase in social and economic tensions and the challenges of modern social life make for increased demands on human resilience. Psychological science is aware of the request for an analysis of phenomenology and the essence of resilience in its various aspects. One such angle is ethnocultural variations in the resilience of people from different nationalities, in particular Russians and Buryats. It is important to determine the general and the ethno-specific components of resilience, factors of its support and the risk factors.*

Study design. *There is studied the resilience indicators in the samples of Russian and Buryat respondents, by means of the cluster analysis has determined the structure of variables, their comparison is carried out. The correlations between the variables within each cluster are revealed, there were given a comparative assessment of these relationships, of resilience components significance, factors of support and the risk in each sample.*

Participants. *Sample: 109 Russian students from the universities and 98 Buryat students from the universities and a college. The total sample is 207 people.*

Measurements. *The diagnosis was carried out under the program “Resilient Youth in stressed environments” — “Zhiznesposobnaya molodezh’ v stressovykh usloviyakh”, RYSE (Laktionova, Makhnach, 2008; Ungar, Hadfield, 2019), which includes 9 questionnaires named in the article, and a socio-demographic questionnaire.*

Results. *The results of the study testify to the similarity of the level (it is high for most of the respondents in both samples), basic characteristics of resilience and its factors (their own forces, support of family and society). At the same time, the differences for all variables included in the protective factors were revealed. The indicators of resilience Buryat students are higher than in Russians. The differences are particularly clear appeared in indicators of contextually resilience primarily in assessments of the significance of religious faith, the attitudes to the culture and traditions of their people. There were found differences in the interrelations of variables: the indicator of victimization in Buryat respondents is positively associated only with the indicator of the “Traumatic Symptoms” scale, and in the Russian sample — with indicators of depression and positive childhood experiences. Negative correlations of this variable in the Russian sample are noted with the indicators of all resilience components and with the rate of the Perception of Neighbourhood. There are no significant negative correlations on this scale in the Buryat sample.*

Conclusions. *Resilience has foundations, structure and factors common to people of different nationalities. No unique national peculiarities in the resilience of representatives of Russian and Buryat youth were found. However, the ethno-cultural features of the way of life determine some distinctions in an assessment conducted by the respondents of different nationalities of the resilience components significance, its factors, connections of its indicators and characteristics.*

Keywords: *resilience; youth; russians and buryats; culture; traditions; social ecology of residence places; risk and protective factors.*

For citation: Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbayeva S.B., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V., Sukhanov A.A. Comparative Empirical Analysis of the Russian and Buryat Youth Resilience // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 66–84. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140205> (In Russ.).

Введение

Современная социальная ситуация и условия существования в нашей стране и в мире приводят к значительному росту напряженности психической деятельности человека, предъявляют повышенные требования к его психологической устойчивости, выносливости, умению приспособиться к трудным жизненным обстоятельствам, — то есть становятся реальным вызовом его жизнеспособности. Подверглись изменениям взгляды многих людей на саму ценность человеческой жизни. Проблема жизнеспособности человека, ее природы, механизмов, детерминант актуализировалась как никогда ранее. На-сущным стало изучение ее конкретных аспектов для определения ресурсов жизнеспособности человека, возможностей ее укрепления. В условиях жестких испытаний, которым сегодня подвергается жизнеспособность многих людей, решение этой задачи имеет не только сугубо академическую, но отчетливо выраженную практическую значимость — определение социальных и психологических опор, помогающих выжить и жить.

К важным аспектам жизнеспособности относятся ее этнопсихологические характеристики. Несмотря на то, что жизнеспособность является свойством общечеловеческим, она может иметь национально специфические характеристики, формы проявления, факторы становления.

Россия — страна многонациональная, многоконфессиональная, поликультурная. Образ жизни, культура, система воспитания, традиции каждого народа накладывают на общую для всех людей канву жизнеспособности национальный узор, определяя своеобразие поведения человека в трудных жизненных обстоятельствах, нюансы в рисках жизнеспособности и факторах ее поддержки.

В условиях совместного проживания представителей нескольких этносов особое значение приобретает сосуществование и взаимовлияние национальных обычаев, культур. Факторами каждой культуры являются терпимость к отличным от основной национальным традициям и верованиям [23], культурная и/или духовная идентификация, связь с корнями своего народа. В исследованиях жизнеспособности подростков выделяют также влияния фактора общества/контекста, который отличают от фактора культуры. Последний понимается как социальное, временное и географическое положение социальной группы — в нашем случае молодежи и подростков, в котором проявляется их принадлежность к определенной культуре [18]. Как считает М. Унгар, глобальные, культурные и контекстуальные аспекты жизни молодых людей способствуют развитию у них жизнеспособности [30].

Умение использовать имеющиеся в окружающей социальной среде ресурсы повышает жизнеспособность подростка и молодого человека. Развитию жизнеспособности способствуют динамические процессы взаимодействия между личностными характеристиками и соответствующими экологическими ресурсами [22].

В связи с этим с теоретической точки зрения жизнеспособность следует рассматривать как культурно обусловленный феномен, поскольку культура влияет на то, как люди интерпретируют невзгоды и как они должны реагировать на них [14].

Интересные результаты сравнительного анализа жизнеспособности подростков, проживающих в условиях социальных и экологических рисков России и ЮАР, выявленные отличия в жизнеспособности молодежи двух стран [11] побудили к постановке проблемы о возможном суще-

ствовании национальной специфики жизнеспособности и других народов уже внутри России, что обусловило выбор темы и заявленную цель исследования.

Не повторяя проведенный А.В. Махначем анализ исторического пути развития проблематики жизнеспособности в психологии [6], скажем, что в сравнительно коротком по времени (с 50-х годов прошлого века) процессе изучения такого сложного объекта, как жизнеспособность, общее движение исследовательской мысли обусловило уточнение и обогащение понимания жизнеспособности: от первоначального рассмотрения ее как черты личности, обеспечивающей внутреннюю устойчивость (с указанием на внешние факторы), через вычленение системных связей жизнеспособности со средой и позитивную адаптацию к ней — к пониманию жизнеспособности как сверхсложной самоорганизующейся системы с тонкими механизмами саморегуляции. Дальнейшее развитие представлений о системной природе и сути жизнеспособности привело к осознанию необходимости реализации метасистемной [5], интегративной [10] стратегий в ее изучении, которые требуются для анализа функционирования таких психологических образований.

Метакатегория жизнеспособности изучается зарубежными и отечественными исследователями с позиций разных методологических подходов: прежде всего, социально-психологического (в разных его вариантах, в том числе экологического (социокультурного) (А.В. Махнач [6; 7], А.И. Лактионова [5; 7], А.А. Нестерова [8], Ю.В. Постылякова [9], В.А. Толочек [12]), общепсихологического (Е.А. Рыльская [10]), эконпсихологического (Н.М. Сараева, А.А. Суханов [3]) и других. Концептуализация феноменологии жизнеспособности, представления авторов о ее

структуре и факторах разнятся. Но общим для моделей жизнеспособности является опора на два базовых полярных конструкта: риск (неблагополучие, слабость, уязвимость) и поддержка (компетенция, ресурсы, потенциалы).

Данная работа выполнена в рамках социально-психологического подхода, предполагающего системный анализ проявлений жизнеспособности личности в разных социальных контекстах.

Жизнеспособность здесь понимается как «индивидуальная способность управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» [7, с. 294].

К факторам риска для жизнеспособности относятся негативные диспозиционные качества личности, проблемы здоровья, неблагоприятные социально-экономические условия жизни человека в семье и во внешнем социальном окружении, включая общество в целом. Соответственно, те же характеристики, но с положительным знаком или содержанием считаются факторами поддержки жизнеспособности.

Теоретические позиции социально-психологического подхода определили направление работы по решению конкретной проблемы о существовании связанных с образом жизни этнокультуральных отличий в жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Учитывалось, что в последние десятилетия при исследовании жизнеспособности подростков и молодежи, особенно из редко исследуемых выборок (в нашем случае — бурятская молодежь), прежде всего обращают внимание на контекстуально значимые социальные влияния [18; 20; 28; 30].

Цель исследования — эмпирически установить, существуют ли у представи-

телей русской и бурятской молодежи (от 15 до 24 лет) обусловленные этнокультуральными особенностями образа жизни отличия в показателях жизнеспособности, в связях и оценке значимости ее компонентов, факторов, обеспечивающих ее уровень.

Предварительно определимся с рядом понятий.

Ю.В. Бромлей предлагал определять этнос как исторически сложившуюся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований [1]. Национальность — принадлежность человека к той или иной социально-этнической общности: нации, народности, национальной (этнической) группе [4].

В статье представлены материалы изучения жизнеспособности молодых людей, принадлежащих к русской и бурятской национальности. Они живут на одной территории — в Забайкальском крае. Природно-климатические, геополитические, социально-исторические, в том числе религиозные, факторы определили образ жизни и, соответственно, этнокультуральные, этнопсихологические особенности русских и бурят. Они имеют как сходные, так и отличающиеся характеристики.

Буряты живут в России на территории Забайкальского края, Иркутской области, Республики Бурятия. С.Б. Дагбаева [2] отмечает: особенностью современных бурят является конгломерат традиционных ценностных ориентаций с ценностными ориентациями европейской (российской) культуры. Буряты отличаются развитыми традициями кровно-родственной связи между родичами, что позволяет индивиду ощущать себя продолжателем рода, связу-

ющей нитью поколений, воспитывает чувство ответственности. Для бурятской культуры традиционной является большая патриархальная семья. Значительная часть современных бурят разделяет идеи и ценности буддизма, шаманизма, христианства. Ряд буддийских практик развивает ключевые характеристики жизнеспособности и духовного интеллекта (SQ — spiritual intelligence), и эти практики могут способствовать индивидуальной жизнеспособности [19]. Позитивными чертами национального характера бурят считают настойчивость, рациональный образ мышления, неторопливость и осмотрительность, уравновешенность, взаимопомощь, уважение к старшим. Высока у бурят ценность здоровья.

Обратимся к эмпирическому изучению жизнеспособности представителей русской и бурятской молодежи.

Сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Существуют обусловленные этнокультуральными особенностями образа жизни отличия в показателях жизнеспособности русской и бурятской молодежи;
2. Возможны отличия в связях, значимости компонентов жизнеспособности русских и бурят и во взаимосвязях факторов риска и защиты.

Методы

Применялась диагностическая программа, включающая социально-демографическую анкету и следующие тесты: 1. Индекс детской посттравматической стрессовой реакции, адаптированный для молодежи (Child Post-Traumatic Stress Reaction Index, adapted for non-students/older youth; (CPTS-RI)) [17]; 2. Шкала нарушений, связанных с травматическими симптомами (Impairment Associated with the Traumatic Symptoms

Scale, IATSS) [25]; 3. Шкала восприятия соседства (Community risk – Perception of Neighborhood Scale, CR-PNS) [25]: отражает восприятие социальной экологии места проживания (безопасность, чистота, доброжелательность окружающих людей); 4. Опросник жизнеспособности детей и молодежи-28 (Child and Youth Resilience Measure-28, CYRM-28) [31]. Четыре субшкалы CYRM-28, адаптированные А.И. Лактионовой, А.В. Махначем, оценивают: индивидуальные ресурсы – субшкала «Жизнеспособность индивидуальная»; отношения с родителями или опекунами – субшкала «Жизнеспособность семейная»; ресурсы контекста – «Жизнеспособность контекстуальная». Три субшкалы формируют общую жизнеспособность – субшкала «Жизнеспособность общая»; 5. Шкала позитивных детских переживаний (Protective Childhood Experiences – Benevolent Childhood Experiences Scale, PCE-BCES) [24]; 6. Опросник депрессии Бека (Beck Depression Inventory-II, (BDI-II)) [15]; 7. Краткая версия опросника оценки здоровья (Short Form Health Survey; SF-20) [32]; 8. Викимизация по подшкале «Сообщество» опросника «Подверженность насилию» (Victimisation by Community subscale of the Exposure to Violence scale) [25]; 9. Шкала поддержки сверстников (Peer Support Scale (short)) [13]. О переводе и адаптации тестов для исследовательских целей см.: [11].

Программа позволяет определить экологические (социальные) детерминанты риска жизнеспособности, выявить защитные ресурсы и/или угрозы жизнеспособности на уровне личности, семьи, школы и социального окружения, оценить жизнеспособность, индивидуальные ресурсы, социальные навыки молодых людей, поддержку со стороны сверстников, отно-

шения с близкими людьми и контекстуальные ресурсы, которые отражают связь респондентов с культурой, верой и духовностью, образованием.

По полученным данным рассчитывались средние значения и стандартные отклонения переменных, осуществлялся сравнительный анализ с помощью критерия Стьюдента (t) для двух независимых выборок, проводились иерархический кластерный и корреляционный анализ данных по К. Пирсону.

Выборка исследования

Группой исследования стали студенты вузов и колледжей Забайкальского края. Русских респондентов – 109 человек (средний возраст – $20,09 \pm 1,56$), проживающих в г. Чите. Выборка бурят составила 98 человек (средний возраст – $19,02 \pm 2,07$), 63 человека из них проживают в г. Чите (студенты вузов) и 35 человек – в поселке Агинское (студенты колледжа). Этническая идентичность респондентов определялась в отнесении ими себя к русским или бурятам при ответе на вопрос о национальности в социально-демографической анкете.

Результаты

Сравнение по материалам социально-демографической анкеты условий жизни русских и бурятских студентов, структуры их семей, образовательного статуса родителей как экологических (социальных) детерминант жизнеспособности показало следующее.

Бытовые условия проживания в краевом центре – г. Чите – и в п. Агинское, административном центре бывшего автономного национального бурятского округа, принципиально не отличаются. Можно считать их приемлемыми и хорошими. Все опрошенные получают образование, среди студентов вузов не-

которые уже имеют среднее профессиональное образование и работу.

Образовательный статус родителей студентов бурятской выборки выше, чем родителей студентов русской выборки. Больше бурятских, чем русских студентов живут в полных семьях.

С целью определения общей структуры всех исследуемых переменных был проведен иерархический кластерный анализ (см. рис. 1, 2) для обеих выборок, в результате которого выделено два кластера: «Факторы защиты» и «Факторы риска», соответствующие общей модели жизнеспособности. Кластерный анализ позволил уточнить входящие в каждый кластер переменные. Так, в первый кластер «Факторы защиты» наряду с традиционно выделяемыми в нем компонентами жизнеспособности вошли переменная «Восприятие соседства», расширяющая пони-

мание контекста социального окружения испытуемых, и переменная «Поддержка сверстников», оценивающая наличие ресурса социальной поддержки. Второй кластер «Факторы риска» аналогичным образом объединил в себе переменные, которые исследователи однозначно относят к риску для испытуемых: «Депрессия», «ПТСР», «Травматические симптомы», а также в него вошли переменные «Здоровье», «Позитивные детские переживания» и «Виктимизация». При этом высокое значение показателей «Здоровье», «Позитивные детские переживания» свидетельствует о слабости этих признаков, проблемах со здоровьем и нехватке хороших воспоминаний о детстве.

Отметим, что для обеих выборок кластеры получились идентичными.

Сопоставление показателей жизнеспособности русских и бурятских

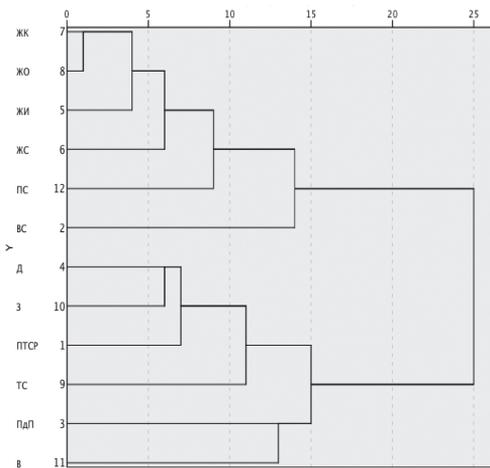

Рис. 1. Результаты кластерного анализа структуры всех исследуемых переменных для русской выборки (n1=109)

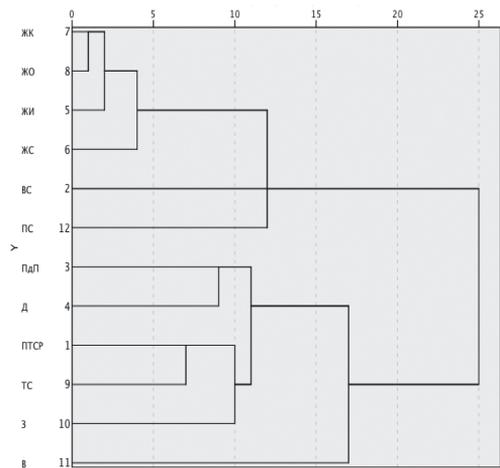

Рис. 2. Результаты кластерного анализа структуры исследуемых переменных для бурятской выборки (n2=98)

Условные обозначения: ЖИ – Жизнеспособность индивидуальная; ЖС – Жизнеспособность семейная; ЖК – Жизнеспособность контекстуальная; ЖО – Общий показатель жизнеспособности; ВС – Восприятие соседства; ПС – Поддержка сверстников; ПТСР – Индекс посттравматической стрессовой реакции; Д – Депрессия; З – Здоровье; ПдП – Позитивные детские переживания; ТС – Травматические симптомы; В – Виктимизация со стороны сообщества.

студентов по тестам осуществлялось в соответствии с выделенными выше кластерами. В табл. 1 представлены результаты расчета средних показателей (M), стандартных отклонений (SD) и значения полученного при сравнении t-критерия Стьюдента.

Анализ переменных, входящих в факторы защиты, выявил, что показатели жизнеспособности респондентов русской и бурятской выборок по всем субшкалам значимо отличаются. У бурятских студентов показатели выше, чем у русских.

В кластере «Факторы риска» жизнеспособности выявлены отличия в показателях здоровья (оно лучше у студен-

тов-бурят) и по субшкале «Позитивные детские переживания» (больше позитивных воспоминаний у студентов-бурят).

Индекс ПТСР в обеих группах соответствует умеренному уровню, показатель депрессии — минимальному.

Показатели общей и отдельных видов жизнеспособности у большей части респондентов, независимо от национальности, соответствуют высокому уровню.

Для русской и бурятской выборок был проведен корреляционный анализ с целью определения различий во взаимосвязях между переменными внутри каждого выделенного кластера. Результаты представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 1

Показатели средних значений и стандартных отклонений по шкалам тестов в выборках русских и бурятских студентов

	Шкалы	Русские, N1 = 109		Буряты, N2 = 98		t-критерий (эмпирический)
		M	SD	M	SD	
		2	3	4	5	
ФЗ	Жизнеспособность индивидуальная	29,2	4,0	30,3	4,2	2,0*
	Жизнеспособность семейная	29,1	5,5	30,7	4,8	2,3*
	Жизнеспособность контекстуальная	54,4	7,9	59,6	8,8	4,5**
	Жизнеспособность общая	112,7	15,3	120,7	16,5	3,6**
	Восприятие соседства	27,6	6,2	31,4	5,9	2,9**
	Поддержка сверстников	13,1	2,6	14,5	2,2	3,9**
ФР	Посттравматическая стрессовая реакция	49,4	11,5	47,0	14,7	1,9
	Травматические симптомы	5,3	2,8	5,0	2,4	1,0
	Депрессия	11,5	9,4	10,6	11,4	0,6
	Виктимизация со стороны сообщества	7,5	1,2	7,7	1,6	1,0
	Здоровье, общий показатель (обратный подсчет) ¹	28,5	8,0	26,2	7,8	2,1*
	Позитивные детские переживания (обратный подсчет)	2,4	1,9	1,4	1,4	4,0**

Примечания: * — при $p \leq 0,05$; ** — при $p \leq 0,01$; ФЗ — Факторы защиты; ФР — Факторы риска.

¹ При обратном подсчете баллов по шкалам «Здоровье», «Позитивные детские переживания» оценка результатов тоже обратная: чем меньше суммарный балл, тем выше уровень признака.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей шкал тестов
в выборке русских респондентов

Шкалы	Факторы защиты (ФЗ)					Факторы риска (ФР)						
	ЖИ	ЖС	ЖК	ЖО	ВС	ПС	ПТСР	Д	З	ПдП	ТС	В
ФЗ	ЖИ	1										
	ЖС	0,508**	1									
	ЖК	0,732**	0,663**	1								
	ЖО	0,821**	0,834**	0,944**	1							
	ВС	0,242*	0,308**	0,300**	0,329**	1						
ФР	ПС	0,596**	0,333**	0,486**	0,526**	0,218*	1					
	ПТСР	-0,308**	-0,299**	-0,367**	-0,377**	-0,318**	-0,272**	1				
	Д	-0,428**	-0,362**	-0,466**	-0,482**	-0,462**	-0,413**	0,631**	1			
	З	-0,260**	-0,214**	-0,215*	-0,256**	-0,316**	-0,185	0,571**	0,645**	1		
	ПдП	-0,333**	-0,314**	-0,496**	-0,455**	-0,301**	-0,243*	0,200*	0,431**	0,181	1	
ТС	-0,297**	-0,441**	-0,414**	-0,449**	-0,297**	-0,243*	0,565**	0,499**	0,282**	0,212*	1	
В	-0,306**	-0,352**	-0,267**	-0,344**	-0,263**	-0,124	0,143	0,194*	0,142	0,298**	0,133	1

Примечания: * – при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$; ЖИ – Жизнеспособность индивидуальная; ЖС – Жизнеспособность семейная; ЖК – Жизнеспособность контекстуальная; ЖО – Общий показатель жизнеспособности; ВС – Восприятие соседства; ПС – Поддержка сверстников; ПТСР – Индекс посттравматической стрессовой реакции; Д – Депрессия; З – Здоровье; ПдП – Позитивные детские переживания; ТС – Травматические симптомы; В – Викимизация со стороны сообщества.

**Результаты корреляционного анализа показателей шкал тестов
в выборке бурятских респондентов**

Шкалы	Факторы защиты (ФЗ)					Факторы риска (ФР)						
	ЖИ	ЖС	ЖК	ЖО	ВС	ПС	ПТСР	Д	З	ПдП	ТС	В
ФЗ	ЖИ	1										
	ЖС	0,712**	1									
	ЖК	0,833**	0,769**	1								
	ЖО	0,905**	0,880**	0,967**	1							
	ВС	0,361**	0,373**	0,393**	0,409**	1						
	ПС	0,454**	0,215*	0,336**	0,358**	0,275**	1					
ФР	ПТСР	-0,278**	-0,274**	-0,339**	-0,331**	-0,314**	-0,209*	1				
	Д	-0,325**	-0,292**	-0,253*	-0,302**	-0,278**	-0,245*	0,520**	1			
	З	-0,413**	-0,349**	-0,304**	-0,367**	-0,429**	-0,315**	0,433**	0,525**	1		
	ПдП	-0,518**	-0,418**	-0,458**	-0,499**	-0,382**	-0,258*	0,300**	0,553**	0,349**	1	
	ТС	-0,290**	-0,85**	-0,255*	-0,292**	-0,261*	-0,221*	0,647**	0,403**	0,526**	0,352**	1
	В	-0,067	-0,083	-0,093	-0,090	-0,067	-0,159	0,130	0,091	0,188	0,042	0,264*

Примечания. * — при $p \leq 0,05$; ** — при $p \leq 0,01$; ЖИ — Жизнеспособность индивидуальная; ЖС — Жизнеспособность семейная; ЖК — Жизнеспособность контекстуальная; ЖО — Общий показатель жизнеспособности; ВС — Восприятие соседства; ПС — Поддержка сверстников; ПТСР — Индекс посттравматической стрессовой реакции; Д — Депрессия; З — Здоровье; ПдП — Позитивные детские переживания; ТС — Травматические симптомы; В — Витимизация со стороны сообщества.

Сопоставление корреляционных взаимосвязей в кластерах двух выборок обнаружило в них как сходство, так и некоторые отличия. Корреляционные взаимосвязи в кластерах «Факторы защиты» в двух выборках идентичны. В кластере «Факторы риска» выявились различия во взаимосвязях переменной «Виктимизация» с переменными «Травматические симптомы», «Депрессия», «Позитивные детские переживания», «Восприятие соседства» между русской и бурятской выборками. У респондентов-бурят показатель виктимизации положительно связан только с показателем шкалы «Травматические симптомы», а в русской выборке — с показателями депрессии и позитивными детскими переживаниями. Отрицательные связи этой переменной в русской выборке отмечаются с показателями всех компонентов жизнеспособности и с показателем восприятия соседства. В бурятской выборке значимые отрицательные корреляционные связи по этой шкале отсутствуют.

Прямая связь показателей жизнеспособности и здоровья слабее в выборке русских и достигает умеренной силы в выборке бурят.

Результаты исследования в целом свидетельствуют как о сходстве, так и отличиях в характеристиках жизнеспособности респондентов разной национальности.

Обсуждение результатов

Жизнеспособность представителей русской и бурятской молодежи имеет сходный уровень, основы, обусловлена единими факторами. Наряду с этим выявлены некоторые отличия в оценках значимости компонентов, во взаимосвязях показателей, вкладе факторов в общую детерминацию жизнеспособности у представителей русской и бурятской молодежи.

Так, материалы социально-демографической анкеты позволяют утверждать: экологические (социальные) детерминанты жизнеспособности русских и бурятских респондентов сходны и не представляют угроз для их жизнеспособности. Большая часть опрошенных имеют нормальные бытовые условия, достаточную материальную обеспеченность, доступ к образованию, защиту и поддержку семьи.

Идентичность результатов иерархического кластерного анализа переменных в обеих выборках свидетельствует о том же: «несущие» составляющие жизнеспособности человека едины: собственные силы, поддержка семьи и социума.

При сходстве высоких тестовых оценок уровня жизнеспособности респондентами обеих национальностей выявлены значимые отличия в отдельных анализируемых показателях. У бурятских студентов показатели выше, чем у русских, особенно по субшкалам «Жизнеспособность контекстуальная» (прежде всего в оценке значимости религиозной веры) и «Жизнеспособность общая». Полученные данные соотносимы с данными других исследователей о заметной роли религии, веры в формировании жизнеспособности [21].

Выше средний балл ответов бурятских студентов по вопросам «Я горжусь моим этническим/культурным происхождением», «Мне нравятся культурные и семейные традиции моей семьи», «Я горжусь тем, что я — россиянин».

Более позитивно оценивают респонденты-буряты место их проживания, его безопасность, чистоту, социальную комфортность, сильнее ощущают поддержку сверстников, чаще имеют позитивные детские воспоминания.

Результаты статистической обработки данных тестирования в целом подтверждают гипотезу о существовании

отличий в ряде показателей жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Эти показатели, по нашему мнению, отражают значимость для респондентов оцениваемых ими переменных.

Идентичность корреляционных взаимосвязей в кластерах «Факторы защиты» в двух выборках говорит о том, что наличие социальной поддержки от сверстников, возможность рассчитывать на их помощь, а также позитивное восприятие соседства укрепляют жизнеспособность любого человека.

Интересны отличия во взаимосвязях по переменной «Виктимизация» между русской и бурятской выборками. У респондентов-бурят показатель этой переменной значимо положительно связан только с показателем шкалы «Травматические симптомы», а в русской выборке показатель виктимизации значимо положительно связан с показателями депрессии и шкалы «Позитивные детские переживания». Полученные различия, по нашему мнению, можно объяснить влиянием культурной нормы: виктимизация со стороны сообщества у бурят чаще, чем у русских, вызывает травматические симптомы, но в бурятской культуре поощряется закрытость эмоций, сдержанность, эмоциональная устойчивость. А представители русской культуры отличаются более откровенной эмоциональностью, более частой апелляцией к сочувствию.

Как отмечают исследователи, традиционно подростки-представители азиатских культур, проживающие в США, склонны подчеркивать эмоциональную сдержанность, избегают ситуаций, где возможно испытать стыд, сохраняя «лицо», в отличие от западных норм, которые ценят эмоциональную выразительность и самораскрытие [26].

Установлено также, что показатели шкалы «Виктимизация» в русской вы-

борке значимо отрицательно связаны с показателями всех компонентов жизнеспособности и с показателем «Восприятие соседства». В бурятской выборке значимые отрицательные корреляционные связи по этой шкале отсутствуют. То есть у русских респондентов виктимизация негативно сказывается на жизнеспособности и на отношении к месту проживания. У респондентов-бурят отчетливого проявления такого влияния нет. Возможно, эти различия также обусловлены этнокультуральными факторами. Показатели виктимизации у бурят в целом ниже, чем у русских, но выше показатели поддержки семьи и сверстников, восприятия соседства. Они ощущают большую сплоченность и защищенность (в том числе и от виктимизации) внутри своей национальной группы и дорожат этой сплоченностью, дабы «не раствориться» в более многочисленном этносе, не утратить своей идентичности.

Умеренная обратная связь всех показателей жизнеспособности с показателем шкалы «Позитивные детские переживания» (что при обратном подсчете баллов в последней означает важность этих переживаний для личности) отмечается в обеих выборках. И у русских, и у бурят этот показатель положительно связан и с показателем депрессии, что естественно: чем хуже воспоминания, тем выше уровень депрессии. Таким образом, детские переживания в зависимости от их характера можно рассматривать в качестве фактора риска, что отмечалось нами ранее [11].

Отметим, что связь общей, контекстуальной и индивидуальной жизнеспособности у бурят сильнее, чем у русских. В исследованиях неоднократно подчеркивалась значимость для молодых людей, подростков таких защитных факторов, как заботливые семьи [16], поддерживающие связи между родителем (или опекуном) и подростком, участие другого

эмоционально значимого взрослого из расширенной семьи, таких как бабушки и дедушки [29], в развитии сильной самоидентификации, самооценки и самоэффективности у молодых людей.

Таким образом, есть основания для вывода о более сильной связи общей жизнеспособности респондентов-бурят, чем русских с поддержкой семьи, с составляющими контекстуальной сферы ее проявления (религиозностью, опорой на традиции и национальную культуру).

По результатам корреляционного анализа подтверждается вторая гипотеза: существуют отличия в связях компонентов жизнеспособности русских и бурят, факторов риска и защиты.

Так, опора на собственные силы, на семью, сверстников, широкий социум важны для жизнеспособности молодых людей независимо от их национальности. Но религиозность, более тесная связь с семьей, ориентация на традиции и культуру своего народа, здоровье вносят дополнительный вклад в жизнеспособность человека, увеличивая ее потенциал.

Выводы

Результаты исследования показали, что жизнеспособность имеет общие для всех людей базовые основы, структуру и факторы, что определяет сходство ее проявлений. Вместе с тем этнокультуральные особенности образа жизни делают возможными некоторые отличия в конкретных характеристиках жизнеспособности людей разной национальности. Так, на представленном эмпирическом материале установлено следующее:

1. Не имеют существенных отличий, не представляют угроз для жизнеспособности, но способствуют ее сохранению экологические (социальные) детерминанты жизнедеятельности русских и бурятских респондентов.

2. Показатели жизнеспособности большей части представителей и русской, и бурятской молодежи соответствуют высокому уровню. Высоко оцениваются респондентами значимость собственных усилий, поддержки семьи, сверстников, социума в целом в обеспечении жизнеспособности.

3. Вместе с тем данные тестирования выявили отличия в показателях жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Эти показатели, которые, по нашему мнению, отражают значимость для респондентов оцениваемых ими переменных, в выборке бурятской молодежи выше, чем в русской, особенно по субшкалам «Жизнеспособность контекстуальная» (прежде всего, в оценках значимости религиозной веры, национальной культуры).

4. Опора на собственные силы, семейная и широкая социальная поддержка укрепляют жизнеспособность человека независимо от его национальности. При этом по результатам корреляционного анализа в выборках русских и бурят выявлены этнокультуральные отличия в связях компонентов жизнеспособности, факторов ее риска и поддержки. Прежде всего, это относится к связям показателей жизнеспособности с показателями виктимизации, травматических симптомов, депрессии, с характером детских переживаний. Молодые люди бурятской национальности, соответствуя культурной норме, предстают более сдержанными, эмоционально стойкими и закрытыми. Их жизнеспособность имеет бо льшую опору в семье и ближайшем социуме, в сплоченности национальной группы, она теснее связана с религиозностью, опорой на традиции и национальную культуру.

Не обнаружены какие-то отдельные уникальные национальные особенности в жизнеспособности представителей русской и бурятской молодежи, но отмеча-

ются отличия в оценке респондентами различной национальности значимости компонентов жизнеспособности, ее факторов, в связях показателей и характеристик.

Сложность обозначенной в статье темы исследования позволяет видеть

перспективу дальнейшей работы в углублении теоретического анализа, дополнении диагностической программы качественными методами, увеличении массива эмпирических данных для уточнения сделанных выводов.

Литература

1. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.
2. *Дагбаева С.Б.* Психолого-педагогическое обеспечение процесса этнической социализации учащихся средней школы: дисс. ... докт. психол. наук. Кемерово, 2015. 420 с.
3. Жизнеспособность молодежного населения в регионе экологического неблагополучия (в Забайкальском крае): коллективная монография / Н.М. Сараева, А.А. Суханов и др. / под науч. ред. Н.М. Сараевой. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2019. 260 с.
4. *Крысько В.Г., Фельдштейн Д.И.* Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с. URL: <https://vocabulary.ru/termin/nacionalnost.html> (дата обращения: 07.04.2023).
5. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность человека: метакогнитивный подход // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 88–110.
6. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
7. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
8. *Нестерова А.А.* Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2011. 525 с.
9. *Постылякова Ю.В.* Индивидуальная жизнеспособность и ресурсы студентов вуза // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 92–108. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document323.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
10. *Рыльская Е.А.* Психология жизнеспособности человека: дисс. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2014. 446 с.
11. Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями / Махнач А.В. [и др.] // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 16–27. DOI:10.31857/S020595920016005-1
12. *Толочек В.А.* Феномен «жизнеспособность»: возможные перспективы исследования // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 2. С. 21–46. DOI:10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_002
13. *Armsden G. C., Greenberg M. T.* The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 1987. № 16(5). P. 427–454.
14. *Arrington E. G., Wilson M. N.* A reexamination of risk and resilience during adolescence: Incorporating culture and diversity // Journal of Child and Family Studies. 2000. Vol. 9. P. 221–230. DOI:10.1023/A:1009423106045
15. *Beck A. T., Steer R. A., Brown G.* Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 1996. 38 p.

16. *Deb S., McGirr K., Bhattacharya B., Sun J.* Role of home environment, parental care, parents personality and their relationship to adolescent mental health // *Journal of Psychology and Psychotherapy*. 2015. Vol. 5(6). P. 1–8. DOI:10.4172/2161-0487.1000223
17. *Frederick C.J., Pynoos R.S., Nader K.O.* *Childhood Posttraumatic Stress Reaction Index (CPTSD-RI)*. Los Angeles, CA, 1992. 48 p.
18. *Höltge J., Theron L., Cowden R.G., Govender K., Maximo S.I., Carranza J.S., Ungar M.* A cross-country network analysis of adolescent resilience // *Journal of Adolescent Health*. 2021. Vol. 68(3). P. 580–588. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.07.010
19. *Kapoor M., Darda P.* Happiness and self as social constructs an interpretative phenomenological analysis of Buddhist practitioners transcendence: Key lessons in Resilience // *Journal of Resilient Economies*. 2022. Vol. 2(1). P. 86–95. DOI:10.25120/JRE.2.1.2022.3916
20. *Luthar S.S., Ebbert A.M., Kumar N.L.* Risk and resilience among Asian American youth: Ramifications of discrimination and low authenticity in self-presentations // *American Psychologist*. 2021. Vol. 76(4). P. 643–657. DOI:10.1037/amp0000764
21. *Manning L.K., Miles A.* Examining the effects of religious attendance on resilience for older adults // *Journal of Religion and Health*. 2018. Vol. 57(1). P. 191–208. DOI:10.1007/s10943-017-0438-5
22. *Masten A.S.* Global perspectives on resilience in children and youth // *Child Development*. 2014. Vol. 85. P. 6–20. DOI:10.1111/cdev.12205
23. *Meindl P., Yu A., Galla B., Quirk A., Haeck C., Parker G.J., Lejuez C.W., D'Mello S.K., Duckworth A.L.* A brief behavioral measure of frustration tolerance predicts academic achievement immediately and two years later // *Emotion*. 2019. Vol. 19(6). P. 1081–1092. DOI:10.1037/EMO0000492
24. *Narayan A.J., Ghosh Ippen C., Harris W.W., Lieberman A.F.* Assessing angels in the nursery: A pilot study of childhood memories of benevolent caregiving as protective influences // *Infant Mental Health Journal*. 2017. Vol. 38. P. 461–474. DOI:10.1002/imhj.21653
25. *Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R.* *Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary*. New Haven, CT: Yale University, 2004. 90 p.
26. *Shea M., Yeh C.* Asian American students' cultural values, stigma, and relational self-construal: Correlates of attitudes toward professional help seeking // *Journal of Mental Health Counseling*. 2008. Vol. 30(2). P. 157–172. DOI:10.17744/mehc.30.2.g662g5l2r1352198
27. *Theron L., Murphy K., Ungar M.* Multisystemic resilience: Learning from youth in stressed environments // *Youth and Society*. 2022. Vol. 54(6). P. 1000–1022. DOI:10.1177/0044118X211017335
28. *Tseliou F., Ashfield-Watt P.* The association between resilience resources, contextual factors and mental health status: a national population-based study // *BMC Public Health*. 2022. Vol. 22. Art. 602. DOI:10.1186/s12889-022-13013-2
29. *Traum-Antwi A., Jefferies P., Ungar M.* Promoting child and youth resilience by strengthening home and school environments: A literature review // *International Journal of School and Educational Psychology*. 2020. Vol. 8(2). P. 78–89. DOI:10.1080/21683603.2019.1660284
30. *Ungar M.* Designing resilience research: using multiple methods to investigate risk exposure, promotive and protective processes, and contextually relevant outcomes for children and youth // *Child Abuse and Neglect*. 2019. Vol. 96. Art. 1040982, pp. 1–8. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104098
31. *Ungar M., Liebenberg L.* Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure // *Journal of Mixed Methods Research*. 2011. Vol. 5(2). P. 126–149. DOI:10.1177/1558689811400607
32. *Ware J.E., Sherbourne C.D.* The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection // *Medical Care*. 1992. Vol. 30(6). P. 473–483.

References

1. Bromley Yu.V. *Sovremennyye problemy etnografii (oчерki teorii i istorii) [Contemporary Problems of Ethnography (Essays in Theory and History)]*. Moscow: Nauka Publ., 1981. 390 p. (In Russ.).

2. Dagbayeva S.B. Psichologo-pedagogicheskoe obespechenie processa etnicheskoy socializacii uchashchih'sya sredney shkoly. Diss. dokt. psihol. nauk [Psychological and pedagogical support of the ethnic socialization process of secondary school students. Dr. Sci. (Psychology) Diss.]. Kemerovo, 2015. 420 p. (In Russ.).
3. Zhiznesposobnost' molodezhnogo naseleniya v regione ekologicheskogo neblagopoluchiya (v Zabaikal'skom krae): kollektivnaya monografiya. N.M. Saraeva, A.A. Sukhanov i dr. Pod nauch. red. N.M. Saraevoy [The resilience of youth population in the region of environmental disadvantage (in the Transbaikalian Territory)]. In Saraeva N.M., Sukhanov A.A. (ed.). Chita: Publ. TSU, 2019. 260 p. (In Russ.).
4. Krysko V.G., Fel'dshtejn D.I. Etnopsichologicheskij slovar' [Elektronnyi resurs] [Ethnopsychological dictionary]. Moscow: MPCU, 1999. 343 p. Available at: <https://vocabulary.ru/termin/nacionalnost.html> (Accessed 07.04.2023). (In Russ.).
5. Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' cheloveka: metakognitivnyy podkhod [Human resilience: a metacognitive approach]. In A.V. Makhnach, L.G. Dikaya (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nyye, professional'nyye i sotsial'nyye aspekty* [Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2016, pp. 88–110. (In Russ.).
6. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psichologicheskaya paradigma [Human and family resilience: the socio-psychological paradigm]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publishing House, 2016. 459 p. (In Russ.).
7. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' podrostka: ponyatie i koncepciya [Adolescent resilience: concept and construct]. *Psichologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennyye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environments: modern approaches, problems, perspectives]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publishing House, 2007, pp. 290–312. (In Russ.).
8. Nesterova A.A. Sotsialno-psichologicheskaya kontseptsiya zhiznesposobnosti molodezhi v situatsii poteri raboty. Avtoref. diss. dokt. psihol. nauk [Socio-psychological conception of youth resilience in situations of job loss. Dr. Sci. (Psychology) Diss.]. Moscow, 2011. 525 p. (In Russ.).
9. Postyl'yakova Yu.V. Individual'naya zhiznesposobnost' i resursy studentov vuza [Elektronnyi resurs] [Individual resilience and resources of university students]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 2018. Vol. 3(1), pp. 92–108. Available at: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document323.pdf> (In Russ.).
10. Ryl'skaya E.A. Psikhologiya zhiznesposobnosti cheloveka [Psychology of human resilience. Dr. Sci. (Psychology) Diss.]. Yaroslavl', 2014. 446 p. (In Russ.).
11. Makhnach A.V. et al. Sravnitel'nyj analiz zhiznesposobnosti molodezhi iz regionov s raznymi kul'turno-social'nymi i ekologicheskimi usloviyami [Comparative analysis of youth resilience from regions with different cultural, social and environmental conditions of life]. *Psichologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 2021. Vol. 42, no. 4, pp. 16–27. DOI:10.31857/S020595920016005-1 (In Russ.).
12. Tolochek V.A. Fenomen «zhiznesposobnost'»: vozmozhnye perspektivy issledovaniya [The phenomenon of Resilience: the possible perspectives for research]. *Institut psikhologii RAN. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of RAS. Organizational and Labor Psychology*, 2021. Vol. 6, no. 2, pp. 21–46. DOI:10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_005 (In Russ.).
13. Armsden G.C., Greenberg M.T. The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 1987. Vol. 16(5), pp. 427–454.
14. Arrington E.G., Wilson M.N. A reexamination of risk and resilience during adolescence: Incorporating culture and diversity. *Journal of Child and Family Studies*, 2000. Vol. 9, pp. 221–230. DOI:10.1023/A:1009423106045

15. Beck A.T., Steer R.A., Brown G. Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 1996. 38 p.
16. Deb S., McGirr K., Bhattacharya B., Sun J. Role of home environment, parental care, parents personality and their relationship to adolescent mental health. *Journal of Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 5(6), pp. 1–8. DOI:10.4172/2161-0487.1000223
17. Frederick C.J., Pynoos R.S., Nader K.O. Childhood Posttraumatic Stress Reaction Index (CPTS-RI). Los Angeles, CA, 1992. 48 p.
18. Höltge J., Theron L., Cowden R.G., Govender K., Maximo S.I., Carranza J.S., Ungar M. A cross-country network analysis of adolescent resilience. *Journal of Adolescent Health*, 2021. Vol. 68(3), pp. 580–588. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.07.010
19. Kapoor M., Darda P. Happiness and self as social constructs an interpretative phenomenological analysis of Buddhist practitioners transcendence: Key lessons in Resilience. *Journal of Resilient Economies*, 2022. Vol. 2(1), pp. 86–95. DOI:10.25120/JRE.2.1.2022.3916
20. Luthar S.S., Ebbert A.M., Kumar N.L. Risk and resilience among Asian American youth: Ramifications of discrimination and low authenticity in self-presentations. *American Psychologist*, 2021. Vol. 76(4), pp. 643–657. DOI:10.1037/amp0000764
21. Manning L.K., Miles A. Examining the effects of religious attendance on resilience for older adults. *Journal of Religion and Health*, 2018. Vol. 57(1), pp. 191–208. DOI:10.1007/s10943-017-0438-5
22. Masten A.S. Global perspectives on resilience in children and youth. *Child Development*, 2014. Vol. 85, pp. 6–20. DOI:10.1111/cdev.12205
23. Meindl P., Yu A., Galla B., Quirk A., Haec C., Parker G.J., Lejuez C.W., D`Mello S.K., Duckworth A.L. A brief behavioral measure of frustration tolerance predicts academic achievement immediately and two years later. *Emotion*, 2019. Vol. 19(6), pp. 1081–1092. DOI:10.1037/EMO0000492
24. Narayan A.J., Ghosh Ippen C., Harris W.W., Lieberman A.F. Assessing angels in the nursery: A pilot study of childhood memories of benevolent caregiving as protective influences. *Infant Mental Health Journal*, 2017. Vol. 38, pp. 461–474. DOI:10.1002/imhj.21653
25. Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R. Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary. New Haven, CT: Yale University, 2004. 90 p.
26. Shea M., Yeh C. Asian American students' cultural values, stigma, and relational self-construal: Correlates of attitudes toward professional help seeking. *Journal of Mental Health Counseling*, 2008. Vol. 30(2), pp. 157–172. DOI:10.17744/mehc.30.2.g662g5l2r1352198
27. Theron L., Murphy K., Ungar M. Multisystemic resilience: Learning from youth in stressed environments. *Youth and Society*, 2022. Vol. 54(6), pp. 1000–1022. DOI:10.1177/0044118X211017335
28. Tseliou F., Ashfield-Watt P. The association between resilience resources, contextual factors and mental health status: a national population-based study. *BMC Public Health*, 2022. Vol. 22. Art. 602. DOI:10.1186/s12889-022-13013-2
29. Twum-Antwi A., Jefferies P., Ungar M. Promoting child and youth resilience by strengthening home and school environments: A literature review. *International Journal of School and Educational Psychology*, 2020. Vol. 8(2), pp. 78–89. DOI:10.1080/21683603.2019.1660284
30. Ungar M. Designing resilience research: using multiple methods to investigate risk exposure, promotive and protective processes, and contextually relevant outcomes for children and youth. *Child Abuse and Neglect*, 2019. Vol. 96. Art. 1040982, pp. 1–8. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104098
31. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. *Journal of Mixed Methods Research*, 2011. Vol. 5(2), pp. 126–149. DOI:10.1177/1558689811400607
32. Ware J.E., Sherbourne C.D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection. *Medical Care*, 1992. Vol. 30(6), pp. 473–483.

Информация об авторах

Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Дазбаева Соелма Батомункуевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Лактионова Анна Игоревна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Постылякова Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru

Суханов Алексей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Makhnach, Doctor of Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Sarayeva, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva, Doctor of Psychology, Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Yuliya V. Postylyakova, PhD in Psychology, Research Fellow, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru

Aleksey A. Sukhanov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Получена 15.04.2023

Принята в печать 02.06.2023

Received 15.04.2023

Accepted 02.06.2023